

УДК 8
DOI 10.52452/19931778_2023_6_159

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© 2023 г.

О.А. Волошина,^{1,2} Ш. Куан²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

²Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР

oxanav2005@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023

Статья посвящена сопоставительному анализу принципов классификации частей речи в русском и китайском языкознании. В русистике и китаистике существуют разные подходы к классификации частей речи, основанные на семантико-грамматическом и исключительно грамматическом подходе, причем доминирование морфологического или синтаксического критерия показывает зависимость принципов выделения частей речи от устройства языковой системы.

Ключевые слова: часть речи, принцип классификации частей речи, грамматика, русский язык, китайский язык.

Сопоставление научных терминов, разработанных в рамках разных лингвистических традиций, оказывается актуальным направлением научной работы, поскольку позволяет выявить принципы выделения и анализа языковых единиц, подчеркнуть особенности методов лингвистического исследования, ориентированных на разноструктурные языки – такие как русский и китайский. В работе предлагается рассмотреть определение частей речи, принципы их выделения и возможные классификации, разработанные русскими и китайскими лингвистами.

Части речи как центральные категории грамматики любого языка, оказавшиеся на пересечении морфологии, синтаксиса и семантики (то есть способные совмещать морфологические, лексические и синтаксические характеристики), подчеркивают специфику устройства конкретного языка. Сопоставительный анализ частей речи в разных языках позволяет выявить как особенности грамматического строя, так и своеобразие национальной лингвистической традиции, в рамках которой были разработаны системы терминов и методы анализа конкретного языка.

Несмотря на длительную традицию изучения частей речи в европейской лингвистике (еще александрийские грамматисты выделяли части речи), статус этих категорий слов, а также подходы к классификации остаются сложнейшей проблемой теоретического языкознания. В качестве основных критериев классификации выделяют структурные, семантические и функциональные характеристики классов слов, причем выбор одного признака или их комбинации определяется грамматической типологией русского и китайского языков.

До настоящего времени определение и классификация частей речи в русистике представляет собой нерешенную проблему. И это не удивительно, ведь в частях речи, как в фокусе, отражаются особенности грамматической организации лексикона, причем критерии семантико-грамматической классификации слов изменчивы, а границы между классами подвижны и нечетко определены. В силу этого даже на материале одного языка возможны разные подходы к определению частей речи и, соответственно, к их классификации. Тем более сложной представляется эта задача при попытке выработать единые критерии для выделения частей речи в разноструктурных языках. Таким образом, «проблема частей речи относится к числу «вечных» проблем в грамматике» [1, с. 402].

В современной русистике существуют разные подходы к определению (а значит, и принципам классификации) частей речи в русском языке. Наиболее авторитетные современные источники предлагают следующее определение частей речи: «части речи – это классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» [2, с. 578]. Эти же характеристики классов слов отмечены в определении частей речи, предложенном Д.Э. Розенталем и М.А. Теленковой в *Словаре лингвистических терминов*: «части речи определяются как «основные лексико-грамматические разряды, по которым распределяются слова языка на основании признаков: а) семантического, б) морфологического, в) синтаксического» [3, с. 345].

Очевидно, что приведенные определения основаны на трех основных критериях выделения

частей речи, однако последовательность этих характеристик оказывается значимой: в первом определении части речи характеризуются синтаксическими и морфологическими признаками, а семантический критерий замыкает их перечень, а во втором определении, наоборот, семантический критерий называется первым. Даже такая, как кажется, несущественная черта свидетельствует о том, что авторы по-разному понимают роль конкретного критерия в классификации частей речи.

Семантический критерий опирается на общее значение класса слов (например, имена существительные имеют семантику предметности (вещности), поскольку называют предметы и явления, глаголы – семантику действия и состояния и т.п.). Морфологический критерий традиционно считается чрезвычайно значимым для русского языка, в котором важной характеристикой частей речи оказывается морфологическая оформленность (формы склонения, спряжения и т.п.). Третьим критерием выступает синтаксический, ведь в предложении каждая часть речи, как правило, выполняет свойственную ей синтаксическую функцию – существительное чаще всего оказывается подлежащим или дополнением, глагол – сказуемым и т.п., хотя очевидно, что часть речи может выступать в несвойственной ей синтаксической роли¹.

Таким образом, в современной русистике доминирующим является понимание частей речи как лексико-грамматических классов слов, то есть классификация совмещает лексические и грамматические (морфолого-синтаксические) характеристики.

Очевидно, что перечисленные критерии имеют неодинаковый вес в определении принадлежности слова к части речи, однако для выстраивания иерархии критериев классификации частей речи в русском языке важно проследить историю учения о частях речи, изложенную в работах наиболее авторитетных русских ученых.

Развитие отечественной лингвистической науки часто связывают с именем Ф.Ф. Fortunatova, который в конце XIX в., как и все компаративисты, занимался древними индоевропейскими языками, отличительной чертой которых является развитая морфология, поэтому главным принципом выделения частей речи Fortunatov предложил считать морфологический (формальный)². Fortunatov строил классификацию на анализе *формы слова* (не случайно основанная им школа получила название *формальной*).

По Fortunatovu, части речи – это *формальные классы*, то есть группа слов с общими формальными показателями – маркерами грамма-

тических значений. Например, существительное как часть речи характеризуется значениями рода, числа и падежа, которые формально выражаются изменением флексий. Каждая часть речи имеет свое оформление, свой набор флексий – формальных показателей грамматического значения, эта форма и является аргументом для отнесения слов к определенной части речи [5, с. 137]. Таким образом, для Fortunatova морфологический критерий был выделен как показатель отнесенности слова к определенной части речи.

Предложенный Fortunatovым подход как строгий и непротиворечивый привлекал большое число сторонников. В частности, М.В. Панов примерно через 100 лет приводил аргументы в защиту fortunatovской классификации: в работе «Позиционная морфология» М.В. Панов утверждает, что одна часть речи отличается от другой формально выраженной совокупностью грамматических категорий. Ученый утверждает: «все слова, принадлежащие к одной части речи, объединяет грамматическая идея» [6, с. 117]. Панов решительно отвергает семантический критерий при классификации частей речи, рассматривая пример, в котором общая семантика оформляется разными частями речи, имеющими специфические формальные показатели: *синь* – *синева* – *синий* – *синеет* – *синё* [6, с. 117]. Панов подчеркивает, что принадлежность к части речи определяется не значениями корней (не общей семантикой), а грамматическими значениями аффиксов. Например, слова *ходить* и *хождение* оказываются разными частями речи, ведь только морфологические показатели способны характеризовать слово как определенную часть речи [7, с. 152].

Итак, по мнению Панова, части речи – это **грамматические классы слов**, характеризующиеся совокупностью грамматических значений, получаемых в языке формальное выражение: «сначала необходимо определить набор грамматических форм, и лишь потом возможно отнесение этого слова к определённой части речи» [6, с. 116].

Классификация частей речи, основанная на морфологическом критерии, оказывается строгой и логичной, однако такой подход неоднократно подвергался критике, ведь формы слова не всегда оказывается достаточно для характеристики части речи. В частности, Л.В. Щерба в работе «О частях речи в русском языке» подчеркивал, что морфологический критерий не всегда позволяет отнести слово к определенной части речи (например, слово *кругом* может быть и существительным в творительном падеже, наречием или предлогом). Кроме того, формальные показатели в качестве критерия отне-

сенности к части речи работают только у слов с формами словоизменения, тогда как частеречная принадлежность слов *кофе, какаду, кенгуру, хаки, беж* и др. должна опираться на другие характеристики.

Щерба предложил в качестве надежного критерия классификации частей речи семантико-грамматическую характеристику, причем обобщенное значение частей речи оказывается важным признаком. У каждой части речи есть «семантическая идея»: для существительного устанавливается общее значение «предметности», для глагола – «действия», для прилагательного – «признака, качества» и т.п.

В качестве аргумента Щерба предложил ставший знаменитым пример со словом *медведь*, которое не потому существительное, что склоняется (первичность формального критерия), а потому, что называет зверя, и, как следствие, приобретает формы склонения, свойственные существительному. «*Медведь Щербы*» служит важным аргументом необходимости учета семантического принципа при классификации частей речи.

Щерба выступал против упрощенного подхода, согласно которому части речи определяются на основании единственного (даже очень важного) критерия. Части речи – это узел, в который завязаны семантические, грамматические, функциональные, просодические характеристики³, ведь единицы языка не раскладываются строго по полочкам, а совмещают самые разные признаки, что естественно для функционирования живого языка. Л.В. Щерба настаивал на совмещении нескольких критериев при классификации частей речи, главными из которых оказывались семантический (лексический) и грамматический (морфологический и синтаксический⁴).

Идея совмещения различных критериев для выделения частей речи в русском языке получила поддержку многих ученых. В частности, В.В. Виноградов предложил многоступенчатую, иерархически организованную классификацию частей речи для русского языка. «Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе и фонологические) должны играть решающую роль» [9, с. 34].

Понимание частей речи как лексико-грамматических разрядов слов получило широкое распространение в русском языкознании. В дальнейшем ученые лишь уточняли предложенную классификацию, акцентируя внимание на тех или иных характеристиках слов. В частности, лингвист П.А. Лекант предложил учитывать словообразовательный критерий в класси-

фикации, поскольку разные части речи отличаются друг от друга характерными словообразовательными аффиксами: «У слов одной части речи отмечаются и одинаковые словообразовательные признаки» [10, с. 244].

Таким образом, классификация частей речи в русском языке является предметом бурных научных дискуссий. Разные лингвистические школы отечественного языкознания выдвигали различные критерии классификации слов по частям речи, сторонники этих направлений продолжают отстаивать взгляды своих учителей и сейчас⁵.

Разногласие по поводу выявления критерия (или критериев) для классификации частей речи приводит к различным мнениям относительно количества частей речи в современном русском языке. Грамматика русского языка 1980 г. предлагает выделять десять частей речи: 1) имя существительное; 2) местоимение-существительное; 3) имя прилагательное; 4) имя числительное; 5) наречие; 6) глагол; 7) предлог; 8) союз; 9) частицы; 10) междометие [11].

Академическая грамматика выделяет в качестве особой части речи существительное-местоимение, а местоимения *мой, твой, ваш, каждый, любой, самый* и др., характеризующиеся грамматическими признаками прилагательного, были отнесены к имени прилагательному, местоименные числительные – к числительному и т.п.

Такая классификация частей речи была предложена академической грамматикой во второй половине XX в., однако среди лингвистов высказывались (и высказываются) различные мнения о количестве частей речи в русском языке.

В частности, В.В. Виноградов предлагал считать причастия и деепричастия особыми смешанными (переходными) частями речи⁶, поэтому в его перечне количество частей речи возрастает до двенадцати [9, с. 42].

А.М. Пешковский не выделял числительные и местоимения как отдельные части речи, поскольку у этих классов слов не было общих грамматических характеристик – у них наблюдались морфологические и синтаксические признаки, объединяющие их с существительными, прилагательными или наречиями [12]. Если рассматривать числительные и местоимения не как отдельные части речи, а подразряды существительных, прилагательный и числительных, количество частей речи сокращается до восьми.

А.А. Шахматов предлагал выделять в современном русском языке 14 частей речи, настаивая на синтаксическом критерии как на важнейшем при классификации частей речи русского языка [13, с. 689–690].

Таким образом, в истории отечественной русистики разные лингвисты выделяли различное количество частей речи – это объяснялось подходом к классификации, к выбору критерия (или критериев) для классификации. Формальная фортунатовская школа предлагала считать морфологический критерий базовым для классификации частей речи в русском языке, ведь морфологический принцип представляется надежным для языкового сознания носителей флективных языков. Именно флексия есть форма выражения набора грамматических значений, свойственного каждой части речи⁷. Со временем синтаксисты (А.А. Шахматов и А.М. Пешковский) обратили внимание на важную роль синтаксического критерия, то есть той функции, которую выполняет слово в предложении, и на синтаксическую валентность слова. При учете семантического критерия, предложенного Л.В. Щербой, части речи оказываются лексико-грамматическими (а не только грамматическими) классами слов.

Как в русском, так и в китайском языкознании проблема классификации частей речи остается одной из дискуссионных в области теоретической китаистики. В отличие от русского языкознания, в котором имеется длительная история изучения частей речи и уже сформирована грамматическая традиция, теоретическое описание китайской грамматики началось только в конце XIX – начале XX века. Первым собственно грамматическим трудом в истории китайской лингвистики явилась публикация «*马氏文通*» («Объяснение правил письменного языка господина Ма») в 1898 году, которая положила начало изучению грамматики, в частности частей речи китайского языка.

Конечно, языкознание развивалось еще в Древнем Китае, но совершенно в особом русле – грамматическая традиция изучения китайского языка не была ориентирована на сопоставление китайского языка с другими языками, но, как и в Древней Греции, языкознание формировалось как вспомогательная дисциплина в составе филологии.

В Древнем Китае активно развивалась и функционировала дисциплина сюньгусюе 训诂学 (xùn gǔ xué), целью которой было комментирование древних китайских текстов. Переписчики и толкователи классических текстов объясняли значение слов, характеризовали стилистику текстов, в большей или меньшей степени учитывали грамматические характеристики слов (последние приводились лишь при необходимости уточнить значение слов в комментируемом тексте).

Например, в стихотворении поэта Ду Фу: «*万里悲秋常作客, 百年多病独登台 (За десять тысяч ли, печальюсь осенью, в чуждом краю. Сколько **болезней** на веку моем, одиноко бреду вперед)*» – слово 病 (*болезнь*) трактуется как существительное, потому что обозначает явление – болезненное состояние героя. А в стихотворении Лю Юйси: «*沉舟侧畔千帆过, 病树前头万木春 (Мимо потонувшего судна тысячи парусников проплывают, а над **недужным** деревом зеленеет весенняя поросль)*» – то же слово 病 (*болезнь*) называет признак предмета – *недужный, больной*, то есть оказывается прилагательным в терминах европейского языкознания.

Деятельность ученых сюньгусюе вполне можно рассматривать как филологическую школу, ведь в центре их внимания были объяснение и трансляция важнейших для национальной культуры текстов. Поскольку филологическому анализу сюньгусюе подвергались литературные и научные произведения – сочинения философов и поэтов, можно сказать, что сюньгусюе является истоком развития литературоведения и критического разбора классических текстов.

Важно отметить, что сюньгусюе анализировало письменные тексты, поэтому в фокусе внимания ученых оказалось отражение значения слов в иероглифической письменности и возможность выведения значения слов из структуры иероглифа. Традиция внимательного изучения иероглифа, воплощенной в нем семантики, отражающей своеобразные черты мировоззрения китайского народа, оказывается важнейшим филологическим инструментом анализа текста⁸.

Таким образом, в Китае традиционно не было грамматики как раздела лингвистики, само устройство китайского языка не способствовало развитию грамматической науки, тем более не было попыток классификации частей речи. Соответственно, в китайском языкознании не было терминов *грамматика* и *части речи* – эти термины являются заимствованиями из европейской лингвистики.

Первоначально заимствованный из французского языка термин *grammar* представлял собой транслитерацию французского слова на Pinyin и обозначение на письме слогов при помощи иероглифов: 葛朗玛 (*gě láng mǎ*). Но когда китайские лингвисты решили отказаться от заимствованных терминов, грамматика (структура языка) стала называться 语法 (*yǔ fǎ*). Слово 语 обозначает язык, а 法 – закономерность, закон,

то есть дословно 语法 понимается как *закон языка, закономерность устройства языка*. Термин *часть речи* дословно переводится как 词类 (*cí lèi*) *классификация слов*. Мы видим, что китайские термины лучше отражают суть именуемых понятий, чем унаследованные от античной науки о языке европейские названия. Ведь *грамматика* описывает принцип устройства языка, обязательное и регулярное (а значит, закономерное) выражение систем грамматических значений, а вовсе не связана с буквой, на что прямо указывает древнегреческий термин, а *части речи* – это именно грамматические классы слов, а не сегменты звучащей речи.

На начальном этапе развития языкознания в первой половине XX века китайские авторы подражали европейской традиции, копировали лингвистические труды западных ученых и анализировали китайский язык методами европейской лингвистики. Вследствие этого в китайском языкознании совмещаются традиционные китайские и заимствованные европейские лингвистические термины и методы анализа языка.

Несмотря на то, что в китайском языкознании изучение частей речи не имеет длительной истории, классификация частей речи также является фокусом, в оптике которого рассматривается грамматика и семантика китайского языка.

После дискуссии о реформировании китайской грамматики 1930–1940-х годов китайское языкознание вышло на новый уровень, благодаря чему китайские ученые стали анализировать грамматический строй родного языка исходя из присущих самому китайскому языку категорий и форм и внесли большой вклад в развитие китайской грамматической традиции.

Большинство современных китайских ученых сходятся во мнении относительно понимания частей речи. В Словаре современного китайского языка (7-е изд.) определение части речи звучит так: «词类 (*cí lèi*) – это грамматические классы слов» [15, с. 296]. В этом определении подчеркивается, что части речи китайского языка классифицируются по основанию грамматических характеристик слов, однако разные грамматические признаки могут учитываться в большей или меньшей степени, различным образом выстраивается иерархия этих характеристик, поэтому в китайском языкознании также существуют разные подходы к классификации частей речи.

До дискуссии о реформировании китайской грамматики ученые традиционно использовали семантический критерий классификации слов (это было связано, как уже сказано, с развитием в древнем Китае традиции объяснения и по-

дробного комментирования древних текстов⁹). После дискуссии 30-х годов ученые освободились от стереотипа классификации слов на части речи и постарались применить достижения европейской грамматики к китайскому языку.

В середине XX века лингвист Ван Ли предложил использовать 3 критерия классификации частей речи китайского языка: семантический, функциональный (синтаксический) и формальный [16, с. 311].

Из определения видно, что главным критерием считается традиционно выделяемый китайскими учеными семантический критерий, то есть части речи классифицируются по обобщённому (категориальному) значению.

Сторонники семантического критерия подчёркивают, что лексическое значение тесно связано с грамматическим, то есть общая семантика предопределяет набор грамматических значений конкретного слова. Например, если слово называет предмет или явление, его относят к существительным, если действие или процесс – относят к глаголу и т.д. Например, 桌子 (*стол*), 椅子 (*стул*), 沙发 (*диван*) – существительные, потому что они называют предметы, имеют обобщённое значение предметности. Интересно отметить, что сторонники семантического критерия часто цитировали слова Л.В. Щебры и приводили в качестве аргумента его пример про медведя, то есть «*щербанский медведь*» активно использовался китайскими учеными для доказательства истинности выбранного ими семантического критерия.

Однако лингвист Чжу Дэси подчеркнул недостаточность семантического принципа при классификации частей речи: «на самом деле этот принцип не работает, так как слова с обобщёнными значениями не обязательно имеют одинаковые грамматические характеристики, то есть относятся к одной части речи» [17, с. 37]. Например, в китайском языке слова 勇敢 (*храбрый*) и 勇气 (*храбрость*) называют качество человека, но 勇敢 относится к прилагательным, а 勇气 – к существительным. В предложениях 伊万是一个勇敢的男孩 (*Иван – храбрый мальчик*) и 我敬佩她的勇气 (*Я восхищаюсь её храбростью*) разные части речи выполняют функции разных членов предложения: прилагательное 勇敢 (*храбрый*) употребляется в функции определения, а существительное 勇气 (*храбрость*) – дополнения.

Таким образом, семантический принцип традиционно учитывается китайскими лингви-

стами при классификации слов на части речи, но его явно недостаточно, поэтому лингвисты искали новые принципы классификации слов.

После дискуссии 50-х и 80-х годов в иерархии принципов выделения и классификации слов на части речи в китайской лингвистике на первый план выходит **синтаксический** критерий, который китайцы часто называют функциональным. Китайский ученый Ван Ли утверждал, что именно синтаксическая функция языковой единицы является предметом грамматики. Этому же мнению придерживались ученые Ху Юйшу, Чжу Дэси и позднее Лу Цзяньмин, утверждавшие, что в китайском языке «... классификация слов по частям речи в основном основывается на грамматической функции слов» [18, с. 284; 19, с. 28–34; 17, с. 37].

Речь идет о синтаксической характеристике слов, то есть функционировании слов в составе предложения. Эти синтаксические (функциональные) характеристики при отсутствии явных морфологических показателей, позволяющих отнести слово к определенной части речи, китайцы стали называть грамматическим критерием при классификации частей речи.

После дискуссии 80-х годов синтаксический (функциональный) принцип был признан единственным надежным критерием классификации частей речи в китайском языкознании.

Синтаксический принцип опирается на два важнейших свойства слов:

- 1) способность слова употребляться в роли определенного члена предложения;
- 2) способность сочетаться с другими словами [20, с. 183]¹⁰.

Каждое знаменательное слово выполняет в предложении определенную синтаксическую функцию, которая выявляется на основании семантики предложения, значения слов и порядка слов в предложении (последнее оказывается очень важным для китайского языка).

Китайские ученые неоднократно подчеркивали, что именно функционирование в предложении позволяет отнести слово к определенной части речи¹¹. Действительно, традиционно роль подлежащего и дополнения играет существительное, функцию определения выполняет прилагательное и т.п. Строго фиксированный порядок слов в предложении китайского языка способствует объединению слов в конструкции, различного рода сочетания, поэтому возможность встречаться в определенном контексте, сочетаться с другими словами обязательно учитывается при определении части речи¹².

Так, слово 战争 (война) оказывается существительным, потому что может сочетаться со счетным словом 场 (一场战争 одна война) и в пред-

ложении часто употребляется в роли существительного и дополнения (战争摧毁了一切 Война нарушает всё). А слово 打仗 (воевать) относится к глаголу, так как сочетается со вспомогательными словами при глаголе, указывающими на модальность, время и т.п.: 没、过、着、了 (他们没打仗 Они не воевали), и в предложении 打仗 употребляется в роли сказуемого (他们在打仗 Они воюют).

Таким образом, современная классификация частей речи в китайском языке опирается на грамматический критерий, под которым понимается именно синтаксический, поскольку морфологическая форма не может маркировать грамматические классы слов.

Изменение форм слов, как уже было сказано, является яркой чертой грамматики древних индоевропейских языков, не удивительно, что научная грамматика в индоевропейском языкознании началась с описания морфологии – систем склонения существительных и спряжения глаголов. Учение о частях речи китайского языка не могло быть основано на формах словоизменения, поскольку китайское слово не меняет своей формы. Китайские ученые, заимствовав грамматические термины, не могли применить европейскую методику выделения частей речи для китайского, однако значимый для европейских языков критерий морфологической оформленности слова китайские ученые также старались учитывать.

В современной китаистике существует два понимания грамматической формы слова – узкое и широкое.

В узком смысле слова под грамматической формой понимаются формы словоизменения, поскольку в китайском языке слово не меняет своей формы, некоторые ученые считали, что в китайском языке нет морфологии и нет частей речи – грамматических классов слов, которые можно выделить только на основе морфологического критерия [23, с. 13–16; 24, с. 43–52].

Однако в конце 30-х годов китайский лингвист Фан Гуандао (1939) выдвинул теорию «морфологии в широком смысле», в рамках которой предлагалось под грамматическим принципом выделения частей речи понимать не только (и не столько) морфологический критерий, сколько синтаксический, который оказался в большей степени универсальным. Действительно, в китайском языке слова не меняют форму, но особенности сочетаемости слов и их синтаксическая функция могут служить надеж-

ной опорой грамматической классификации слов [25, с. 47–52].

Однако морфологический критерий китайские ученые также предлагают учитывать, ведь в китайском языке тоже есть аффиксы, которые помогают определить частеречную принадлежность слова. Например, суффикс 们 при существительном или местоимении указывает на множественное число: 学生们 (*студенты*).

Несмотря на наличие некоторых аффиксов, выражающих грамматическое или лексикограмматическое значение слов китайского языка, морфологический принцип функционирует ограниченно, поскольку китайский язык, безусловно, является языком с бедной морфологией. Именно поэтому при опоре на грамматический критерий классификации частей речи китайские ученые выдвинули на первый план синтаксические характеристики слова. Китайский лингвист Чжу Дэси писал, что «в китайском языке отсутствуют богатые формы слов, которые присутствуют в индоевропейских языках. Таким образом, классификация частей речи в китайском языке только зависит от его синтаксических особенностей, а не формальных признаков» [17, с. 37].

Таким образом, части речи как грамматические классы слов в современной китайской лингвистике выделяются на основании трех критериев – синтаксического (функционального), семантического и морфологического. На материале китайского языка доминирует синтаксический (функциональный), так как он эффективнее работает при грамматической классификации китайских слов. Шао Цзинмин сформулировал вывод: «Классификация слов в китайском языке в основном опирается на синтаксический принцип, потому что он самый надежный и эффективный» [26, с. 174].

От выбора критериев классификации слов по частям речи зависит состав частей речи, то есть количество выделяемых в китайском языке грамматических классов слов.

В работах ученых-китаистов обсуждаются разные подходы к выделению частей речи и, соответственно, ведется дискуссия по вопросу о количестве частей речи в китайском языке. Мы приведем широко распространенную в китайской классификации частей речи, предложенную авторами *Словаря современного китайского языка*, принятую в качестве основной для обучения школьников родному языку. Для китайского языка вопрос нормирования грамматики стоит особенно остро, для обучения школьников китайскому языку необходима общепринятая грамматическая теория, ведь отсут-

ствии единого подхода к описанию родного языка, выделению его единиц и категорий привело бы к путанице [27, с. 52–53].

В *Словаре современного китайского языка* (5-е изд.) каждое слово снабжено специальной пометой, относящей его к определенной части речи. Важно отметить, что основным критерием классификации частей речи редакторы-лингвисты выбрали синтаксический, что отражает современный подход к решению проблемы частей речи на материале китайского языка.

В предисловии редакторы отмечают, что в китайском языке выделяется 12 частей речи: существительное, глагол, прилагательное, числительное, счетное слово, местоимение, наречие, предлог, союз, вспомогательное слово, междометие и звукоподражательное слово [28, с. 6].

В китайском языке выделяют отсутствующие в русском языке две части речи: счетное слово и вспомогательное слово. *Счетное слово* 量词 (*liàng cí*) – это специальное служебное слово, сочетающееся с числительным и существительным для выражения количества предметов, действий и даже времени [29, с. 134]. Например, 两瓶酒 (*две бутылки вина*) – счетное слово 瓶 стоит после числительного 两 и тесно связано с ним. Без счетного слова выражение *两酒 оказывается бессмысленным.

Вспомогательное слово 助词 (*zhù cí*) следует за полнозначным словом или словосочетанием для выражения дополнительного грамматического значения, которое приобретает вся конструкция. Вспомогательное слово, очевидно, не является самостоятельным, оно сопровождает полнозначное слово, грамматически его оформляя [29, с. 186]. Например, прилагательное в китайском языке образуется с помощью вспомогательного слова 的 (*дэ*): 中国 (*Kитай*) – это существительное, а 中国的 (*китайский*) – прилагательное, так как вспомогательное слово 的 оформляет всю конструкцию, функционирующую как определение.

Таким образом, на материале китайского языка лингвисты также предлагают опираться на три критерия – семантический, синтаксический и морфологический, однако, в отличие от русистов, китаисты в качестве базовой характеристики части речи предлагают считать способность слова сочетаться с другими в контексте, занимать определенное место в жесткой структуре китайского предложения и выполнять в предложении определенную синтаксическую функцию.

Части речи – универсальная грамматическая (или лексико-грамматическая) категория, части речи есть в любом языке, но эти грамматические классификации в разных языках устроены по-разному, опираются на разные критерии. Особенно это различие оказывается существенным при сопоставлении частей речи в разноструктурных языках, таких как русский и китайский. Различие в классификации частей речи обусловлено разным грамматическим строем русского и китайского языков, ведь части речи как центральные семантико-грамматические категории позволяют выявить принцип устройства языка.

Тенденция заимствования европейской системы понятий и терминов постепенно преодолевается в китайском языкознании, ведь наиболее продуктивной оказывается опора на свойственный конкретному языку принцип выделения частей речи, обусловленный его неповторимой грамматической системой.

Примечания

1. О способности части речи играть несвойственную ей синтаксическую функцию писал еще Р.И. Аванесов в работе «Второстепенные члены предложения как грамматические категории». В частности, он рассматривал примеры *стрелять из ружья (из чего?)* и *стрелять из засады (откуда?)*, где в первом случае существительное выступает в роли дополнения, а во втором – обстоятельства [4, с. 54].

2. Фортунатовская классификация еще раз демонстрирует, что критерии выделения частей речи зависят от языка, на материале которого формируются лингвистическая теория.

3. Щерба предлагал учитывать просодический критерий, а именно место ударения в слове. Например, во фразе *Когда идёт экзамен?* ударение на слове *когда* оказывается формальным показателем его принадлежности к наречиям, а во фразе *Когда я сдаю экзамен, я поеду домой* безударное слово *когда* функционирует как союз.

4. Каждая часть речи выполняет определенную синтаксическую функцию в предложении. Кроме того, грамматические классы слов характеризуются сочетаемостью с другими словами. Щерба пишет: «категория выражается своей специфической изменяемостью и своими грамматическими связями» [8, с. 66]. Например, слово *какаду* не склоняется, но сочетания слов (потенциальные грамматические и семантические связи слова) *мой какаду*, *какаду моего друга*, *красный какаду*, *какаду кричит* позволяют характеризовать *какаду* как имя существительное.

5. Так, в школьных учебниках по русскому языку, вышедших в конце XX века под редакцией М.В. Панова, утверждается, что части речи – это грамматические классы, тогда как в школьных учебниках другого авторского коллектива отстаивается иная точка зрения: части речи – лексико-грамматические классы.

6. В.В. Виноградов отмечал, что причастие характеризуется грамматическими категориями глаго-

ла и прилагательного, а деепричастие – грамматическими признаками глагола и наречия.

7. Приоритет морфологического критерия для русского языка признают не только отечественные лингвисты, такие как Ф.Ф. Фортунатов, М.В. Панов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, Д.Н. Ушаков и др., но и китайские ученые Ван Ли, Люй Шусян, Чжу Дэси, Шао Цзинмин [14, с. 286].

8. Например, в китайском языке слово 家 (*дом, семья*) состоит из двух частей: 宀 и 豕. Крыша 宀 – это изображение постройки в древнем Китае, а 豕 – изображение свиньи. В древнем Китае жилище, где люди жили и растили скот, называлось домом, кроме того, в сознании китайцев свинья символизирует богатство, благополучие, поэтому символическое изображение этого животного входит в состав иероглифа со значением *дом, семья*. В структуре самого иероглифа часто отражалось представление китайцев об именуемом предмете или понятии. Анализ иероглифического знака-образа позволяет проследить формирование значения слова, ассоциации, связанные с ним.

9. Сюньгуское насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю, поэтому, по мнению основоположника китайской грамматики Ма Цзяньчжуна (автора «Объяснения правил письменного языка господина Ма»), оказало огромное влияние на развитие китайской грамматики.

10. Такого же мнения придерживался советский востоковед А.А. Драгунов, подчеркивая важность синтаксической функции и контекстной сочетаемости для определения части речи в китайском языке [21].

11. Так, еще в 1924 г. Ли Цзиньси писал: «Только в предложении можно определить часть речи, вне предложения невозможно» [22, с. 29]. Здесь синтаксическая функция становится определяющей для классификации слов по частям речи.

12. Сочетаемость слов ограничена и избирательна, что также подчеркивает частеречную принадлежность. Так, наречие 很 (*очень*) может сочетаться с прилагательным, но не может с существительным. Есть словосочетания 很长 (*очень длинный*), 很高 (*очень высокий*), а словосочетания *很学校 (*очень школа*), *很桌子 (*очень стол*) противоречат правилам китайской грамматики.

Список литературы

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 402 с.
2. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 578 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 345 с.
4. Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматическая категория // Русский язык в школе. 1936. № 4. С. 53–60.
5. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: общий курс. М.: Краснад, 2010. 137 с.
6. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука – школа «ЯРК», 1999. 275 с.

7. Панов М.В. О частях речи в русском языке // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: УЧПЕДГИЗ, 1957.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
10. Лекант П.А. и др. Современный русский язык. М.: Дрофа, 2007.
11. Академия наук СССР. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 458 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 102 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015.
14. 王力. 汉语语法纲要 // 王力文集: 第九卷, 北京: 中华书局, 2015, 第286页。
15. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 第7版, 北京: 商务印书馆, 2016, 第296页。
16. 王力. 现代汉语语法 // 王力文集: 第十六卷, 山东: 山东教育出版社, 1990, 第311页。
17. 朱德熙. 语法讲义, 北京: 商务印书馆, 1982, 第37页。
18. 胡裕树. 现代汉语, 上海: 上海教育出版社, 1962, 第284页。
19. 陆俭明. 关于词的兼类问题//中国语文, (1), 1994, 第28–34页。
20. 王德春. 语言学概论, 上海: 上海外语教育出版社, 1998, 第183页。
21. Драгунов А.А. Исследование по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. М., Л.: АН СССР, 1952. 231 с.
22. 黎锦熙. 新著国文语法, 北京: 商务印书馆, 1992, 第29页。
23. Кузнецов П.С. Морфологическая классификация языков: Материалы к курсам языкознания. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 13–16 с.
24. 高明凯. 关于汉语的词类分别 // 中国语文, (10), 1953, 第43-52页。
25. 方光焘. 体系与方法 // 中国文法革新论丛, 1986, 第47-52页。
26. 邵敬敏. 现代汉语通论 (第二版), 上海: 上海教育出版社, 2017, 第174页。
27. Ван Ли. Части речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М., 1989. С. 53–54.
28. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 第5版, 北京: 商务印书馆, 2005, 第6页。
29. 陆俭明. 现代汉语语法答问 (上), 北京: 北京大学出版社, 2011, 第134-186页。

PRINCIPLES OF THE CLASSIFICATION OF PARTS OF SPEECH IN RUSSIAN AND CHINESE

O.A. Voloshina, S. Kuang

The article is devoted to the comparative analysis of the principles of classification of parts of speech in Russian and Chinese linguistics. In Russian and Chinese studies, there are different approaches to the classification of parts of speech, based on a semantic-grammatical and exclusively grammatical approach, and the dominance of morphological or syntactic criteria show the dependence of the principles of the allocation of parts of speech on the structure of the language system.

Keywords: parts of speech, principle of classification of parts of speech, grammar, Russian language, Chinese language.

References

1. Beloshapkova V.A. Modern Russian language. 2nd ed. M.: Higher School, 1989. 402 p.
2. Yartseva V.N. A large encyclopedic dictionary. Linguistics. M.: The Great Russian Encyclopedia, 1998. 578 p.
3. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Prosvechenie, 1985. 345 p.
4. Avanesov R.I. Secondary members of the sentence as a grammatical category // Russian language at school. 1936. № 4. P. 53–60.
5. Fortunatov F.F. Comparative linguistics: general course. M.: Krasnad, 2010. 137 p.
6. Panov M.V. Positional morphology of the Russian language. M.: Science – school «YARK», 1999. 275 p.
7. Panov M.V. On parts of speech in the Russian language // Panov M.V. Proceedings on general linguistics and the Russian language. Vol. 1. M.: Languages of Slavic culture, 2004.
8. Shcherba L.V. Parts of speech in the Russian language // Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. M.: UCHPEDGIZ, 1957.
9. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical doctrine of the word). 4th ed. M.: Russian language, 2001.
10. Lekant P.A. et al. Modern Russian language. M.: Bustard, 2007.
11. Academy of Sciences of the USSR. Russian grammar. Vol. 1. M.: Science, 1980. 458 p.
12. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. 8th ed. M.: Languages of the Slavic culture, 2001. 102 p.

13. Shakhmatov A.A. Syntax of the Russian language. 2nd ed. M.: FLINT, 2015.
14. 王力。汉语语法纲要 // 王力文集: 第九卷, 北京: 中华书局, 2015, 第286页。
15. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 第7版, 北京: 商务印书馆, 2016, 第296页。
16. 王力。现代汉语语法 // 王力文集: 第十六卷, 山东: 山东教育出版社, 1990, 第311页。
17. 朱德熙。语法讲义, 北京: 商务印书馆, 1982, 第37页。
18. 胡裕树。现代汉语, 上海: 上海教育出版社, 1962, 第284页。
19. 陆俭明。关于词的兼类问题//中国语文, (1), 1994, 第28-34页。
20. 王德春。语言学概论, 上海: 上海外语教育出版社, 1998, 第183页。
21. Dragunov A.A. A study on the grammar of the modern Chinese language. I. Parts of speech. M., L.: USSR Academy of Sciences, 1952. 231 p.
22. 黎锦熙。新著国文语法, 北京: 商务印书馆, 1992, 第29页。
23. Kuznetsov P.S. Morphological classification of languages: Materials for linguistics courses. 2nd ed. M.: Book House «LIBROCOM», 2010. 13-16 p.
24. 高明凯。关于汉语的词类分别 // 中国语文, (10), 1953, 第43-52页。
25. 方光焘。体系与方法 // 中国语法革新论丛, 1986, 第47-52页。
26. 邵敬敏。现代汉语通论(第二版), 上海: 上海教育出版社, 2017, 第174页。
27. Wang Li. Parts of speech // New in foreign linguistics. Issue XXII. M., 1989. P. 53-54.
28. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 第5版, 北京: 商务印书馆, 2005, 第6页。
29. 陆俭明。现代汉语语法答问(上), 北京: 北京大学出版社, 2011, 第134-186页。